СВЕТЛАНА ПЕТРОВА

Город пяти удар

Светлана Петрова

Город пяти удач

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Петрова С.

Город пяти удач / С. Петрова — «Издательство «Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-484-2

От создателя счастливых реальностей сбежала одна из реальностей. Друзья отправляются на её поиски, открывая по пути неизведанное вокруг и в себе. Волшебный город Пяти удач помогает им в этом, а взамен – требует разгадать свою загадку. Сказочное фэнтези для взрослых сказочников.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-484-2

© Петрова С., 2020
© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Часть первая 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Светлана Петрова
Город пяти удач. В двух частях

Часть первая
Andante

Носастик сидел на любимой лавочке и источал радость. Предвкушения от занятия своим делом. Он любил создавать новые реальности, а потом возиться с ними, пестовать их, пока не окрепнут. Вязал их, как кофточки, где распуская петли, когда фасон становился не тот, где ввязывая новые цветные нитки.

Его радости сейчас хватило на три сущности. Ниточки первой кофточки оказались нежно – дымчатыми. Носастик взмахивал руками, замирал в паузе и вновь вдохновенно дирижировал своей кофточкой реальности.

Вторым воплощением радости стал искристый цвет оранж с вкраплением тоненьких следов от пузырьков шампанского. «Да, скорее, это – болеро! – решил Носастик. – Скрипящее на ощупь свежедекабрьским 20-градусным морозом!» Он зажмурился, принюхиваясь к снежному аромату второго творения.

Но пока Носастик нянчился с двумя новорождёнными реальностями, его третий клубок чистых энергий проклюнулся сам.

Недалеко из-за угла раздался встревоженный голос: «Варуня, иди домой! Пошли домой, Варуня!» Не успел Носастик и глазом моргнуть, как его реальная выдумка, засучив ножками, помчалась на зов.

Там, за углом, всегда неожиданно, но таким был их дворик. Безмятежным, прикрытым домами. Карусели, песочница.

Качели….хрипловато покачивались. «Наверное, Ушан катается,» – подумал Носастик.

– Нет, Варуню я не видел, – подумал в ответ Ушан, – здесь только что была маленькая песенка.

– Может, это она и есть, – вздохнул Носастик. – Я и сам толком не знаю… Играть будем? Чур, я выбираю!

Ушан развязал мешочек и высыпал на ладонь сверкающий перламутровый камешек, стеклянную пирамидку и вишнёвый колокольчик на золотистой цепочке.

«Вот, смотри! Это – наш свет ясный, – он показал на переливающийся огоньками камушек. – В колокольчик можно позвонить, чтобы к кому – нибудь прийти или спросить что. А с пирамидкой можно открывать новое! Ну, как? С чем играем?»

Носастик внимательно разглядывал мир на ладони… Как Ушану удаётся положить в свой мешочек именно то, что Носастику и надо?

– Спасибо, друг! Мы точно возьмём это всё с собой. Ведь никогда не знаешь, что там – за поворотом.

– За поворотом? – удивился Ушан.

– Ну да! Кто там – радушные хозяева? Которые всегда ждут, хоть никого и не зовут? Или ТАМ, – он мотнул головой, – нет никого? Как считаешь? – засыпал Носастик вопросами, – Ведь ты идёшь со мной? Жди меня здесь! Я – мигом!

И Ушана вмиг облепили случайности. Они жужжали во все уши, что они не случайны и вовсе не простые совпадения, а напротив – самые что ни есть верные признаки. По инерции Ушан пятился, пока, наконец, не почувствовал, что прижат к стенке.

«Ладно – ладно! Согласен уже с вами! И что теперь?!» – возопил он. На что те язвительно исчезли. Лишь спина, только что прижатая к стене, могла недоумённо подтвердить их яростную атаку. «Вот, значит, почему мне давно всё намекает на путешествие», – прошептал он.

Так они отправились в путь. Куда-то. Ведь там – неизвестность, а значит, нуждаешься в ней очень – очень!

***

Кофе – Хаус – первое, что видишь, когда смотришь с пригорка вниз, где пёстрыми кубиками, разбросанными на зелёном, кажутся дома. Высоким круглобоким бокалом нежно– сливочного цвета красовалась кофейня. Где летнее утро, потягиваясь, помаленечку просыпалось, а вместе с ним – и хозяйка Кофе – Хауса.

Улитка с Джокером обожали кофе чуть больше чая. Сами угощались, и другие лакомились. Обворожительные запахи так и нежились вокруг дома, маня заглянуть на чашечку – другую.

Первой встречала в доме гостей ослепительная царица. Стиральная машина! Когда её совсем маленьким белым кубиком принёс жене Джокер, Улитке помечталось, что маленькая чистюля вырастет в царицу блеска и глянца.

Так и случилось. Царица охотилась за грязью денно и нощно.

И только что – зазевавшийся чёрный перец чуть не пал её жертвой! Хлоп – топ! – запрыгали с полки баночки со специями, спасаясь от неумолимого шланга. Хорошо – хозяйка рядом и всегда защитит дрожащих малышей.

– Посуда нынче вся такая хрупкая – нежная пошла… –гундосила кастрюля, – того и гляди…..бэмц!!

– Да! Чистые дистрофики! – согласилась сковорода.

На что тонкая тарелочка нервной балериной чуть не выпорхнула из рук хозяйки.

– Ули! Кофе готов? – Мистер Джокер плотничал наверху и, как обычно, отозвался на запах свежей выпечки с корицей.

– Уже скоро, Джо! К нам идут гости! Бегу открывать!

– СковороДушка! Зови сервиз для гостей! – крикнула Ули. – И поднеси царице белья для стирки…и пусть не безумничает и не вздумает срывать одежду с гостей!

– Джо! Спускайся к столу! У нас гости! – Ули на всех парах мчалась открывать долгожданным гостям.

Более благодарных ценителей щедрого стола, чем проголодавшиеся путники, и представить нельзя.

Ароматные блюда спешили сменить друг друга, толкаясь в очереди на кухне, где СковороДушка строила их, приговаривая: «Первыми идут отменные; за ними – невероятные; следом – те, которых захотят отведать!»

Так же, как и Носастик, болтать и уплетать за обе щеки, Ушан не мог. Он успевал только поддакивать, слушая рассказ друга. Утопая с каждым кивком всё глубже и глубже в мягком – премягком пушистом диване. И – утекая куда-то….

– Варуня, – гуднул Носастик…

– Уфф – фф… – раздувала Ули огонь в печи…

«Да это не ветер, а ффф – фурия!» – едва успел подумать Ушан, уцепившись за тугой ветряной хвост. …И Ушана понесло по тёмным улицам, обуреваемого холодом скорости… «Только не на проезжую часть и не по стенам!!»… Ууу-уу….Какая гололедица на дорогах, когда ты на хвосте у ветра!

Ветер ворвался на площадь, просвистел мимо памятника и затянул Ушана в туннель. Лестницы… коридор… Направо – налево двери. С ручками и без, закрытые и полуоткрытые, с узорами, в мозаике, разноцветные матовые и лаковые… все пронумерованные… Ушан стал улавливать запахи…скорее, запахи стали улавливать его у дверей…ему вдруг подурнело, и он разжал руки… Тормознуло у холодной металлической двери, которая открылась сама, чтобы лоб не прожёг её… Кажется, на двери была табличка. «Может, тут доктор?» – мелькнуло у Ушана… И он провалился….

***

Кем бы я мог стать в этой жизни? И уже не стану? Я мог бы водить автобус, последний рейс которого был бы неизвестен. Пассажиры бы вышли на конечной остановке, и автобус поехал бы куда глаза глядят.

Ещё я мог бы стать садовником и жить интересами и нуждами своих растений, овеваемых песнью природы. В моём саду так бы дышалось! И хотелось бы ничего больше не желать, кроме как быть в нём.

И ещё я не стал трубочистом – маленьким, юрким и весёлым, который очень любит чистить трубы на крышах, и карманы которого всегда полны угощений для котов – приятелей.

Ещё я бы мог быть наблюдателем ветров, неожиданной тишины в кронах деревьев, лиц в толпе, а также избирательных намерений голубя вспорхнуть на чью-то голову.

И многим кем ещё мог бы быть! Хоть бы и художником! Водил бы кистью по холсту, а потом бы вдруг замирал с отрешённым взором. Ничто бы меня не смогло достать. Из несуеты.

Улитка с грустью взглянула на рассказчика, хоть и слышала эту историю не впервые.

«А кто ты тогда?» – спросил Носастик, звякнув ложечкой.

«Я – Цуц. Просто Цуц», – потупил тот глаза.

«Аа –а! Вот и Ушан проснулся! Как спалось?» – Джо спускался с лестницы к столу.

«С ветерком!» – хохотнул Ушан.

***

Пряные запахи остролистного цитрофениза стайками водили хороводы на улицах города Пяти Удач. Ушан то и дело чихал, когда с друзьями оказывался в центре этого хоровода.

«Вот вы где живёте? И живёте ли? И вы ли это? – Цуц успевал и город показывать и вопросами засыпал, – А мы вот живём в Пяти Удачах. Как видите, это довольно – таки город. У нас есть всё, что должно быть в городах. А уж в городах я, поверьте, разбираюсь! У нас с Пынтем их много!»

Слушая безудержного Цуца, Носастик с любопытством рассматривал город. Вот уже вторые часы, на циферблате которых не стрелки, а надписи. На этих значилось: «Поздравляем с иностранными инвестициями!»

– А вы время как же определяете? НЕ по часам? – спросил Носастик.

– Оо-о…..наши часы не зависят от времени! Опережают, а то и отстают…..такие независимые! Но…..слабохарактерные – посмотри на них с пристрастием – вмиг остановятся! Так что время у нас разное – у кого какое.

– А у кого же правильное? – не унимался Носастик.

– Правильного времени вообще не существует, – отрезал Цуц. – Мы ещё с Пынтем спорили про это. Пынть… – Цуц сгорбился и опустил голову.

Пробегавший мимо лысый пёс участливо тявкнул. Он тоже спешил на площадь!

Приятелей вовсю обгоняли старушки. Кто-то притоптывал палочкой, кто-то нёс что-то в руках – все оживлённо шуршали вперёд, не наблюдая проходящих.

Перед Ушаном замаячил натюрморт в протёртой годами шляпке: сухие листья в паутине и свежая щепка…

Но какая же пёстрая оказалась площадь!

Весёлые яркие палатки горошинами рассыпаны по ней вперемежку с людским гомоном. Ах, прекрасны все в мире базарные площади! Они – весёлые сестрички! Торгуют, играют, жуют пирожки, хохочут, бегают за воздушными шарами.

Вроде и не было дождя, а колесо обозрения так и искрится, яркое, свежеумытое, дрожа и погромыхивая.

Воздушные шары, привязанные к шатру над каруселью, стремятся взлететь в небо, и чем быстрее бегут лошадки, тем сильнее рвутся вверх.

«Сюда, сюда!» – кричат продавцы лотков с карамельками.

Разноцветные стремительные змейки каруселей подхватывают всех желающих. И вот они уже подпрыгивают в уносящих вдаль каретах, запряжённых лошадьми, повизгивая от удовольствия.

Рядом с каруселью расположились старушки – вязальщицы. Свежесвязанное тут же продавалось, а потом опять что – то вязалось, вязалось…

Стрелки часов на ратуше, основательно задумавшись, вдруг спохватывались и опрометью припускались в такт ходу петель…

– Покатаемся? – спросил Цуц, и все остановились. – Привет, Яжавами! Как сегодня карусель? – крикнул он замедляющим бег коням.

Только что дико круживший наездник, один, среди бешеного урагана мустангов, отозвался взмахом руки. Спрыгнув со ставшего ленивым коня, он поспешил к зовущим: «Завтра – будет ещё лучше!»

И они отправились гулять вместе по нарядной площади, где одна лишь ратуша с часами была строга и неподвижна.

«С левой – на правую, с левой – на правую, с левой – на правую, и – поворот, – бубнили вязяльщицы, – Где было – правое, тут станет – левое, тут станет – левое, ну же, вперёд! Серые – белые….белые – серые…серые – белые…»

Кто? Что это?!

Со всех сторон возникло серо – белое что – то и стало сгущаться. В крепчавшем тумане Носастик едва не наткнулся на стайку дружно улепётывающих гномов.

«Носастик, дай руку!» – крикнул Ушан, руку которого уже сжал Цуц.

Они уже почти не видели друг друга, бело – серый туман всё плотнел.

– Слушайте меня! – кричал Цуц, – Это – Безвременье! Бежим! Надо бежать!

– Куда? Не видно ничего!

– Держитесь за руки! Не останавливайтесь! Если остановишься – сразу заснёшь!

Они мчались, натыкаясь на кого – то и кого – то сбивая и сквозь кого – то проносясь.

«Думайте, куда бежите – там и будете!» – было последнее, что услышал Носастик. Его сбили с ног, и он кубарем покатился куда – то вниз.

***

Пынть был всегда счастлив. Но бывал и в полшаге от счастья – когда вспоминал, что потерялся, и что Цуца рядом нет.

Они с Цуцем открыли такую игру – бродить по городам. Которые есть далеко и близко, шумные и молчаливые, и которые они выдумывали сами.

Так много было видено городов, и так много было любимых, что Пынтю пришлось завести альбом, куда он заносил их. Сегодня Пынть представил свой альбом ярким, благоухающим букетом. Можно любоваться любым цветком, на который взглянешь!

Это – Мокрая роза! Я появился в нём в шумный вечерний пятничный час. На мокром тротуаре – радуги огней. Гибкие арки домов. И улицы изящные, тонкие, как узкие спины кошек. Каждую улицу бережёт свой запах. Одна – пахнет корицей, какао и слегка ликёром. Из кафе журчит музыка. Я приглашаю её на вальс. Кружась, вылетаю на другую, пахнущую фуксией с тонкой ноткой лимона. Там, где –то на втором этаже, за колыхнувшейся шторкой веселится праздник.

Я так заигрался, падая в объятия улиц этого города, что не заметил, как вымок насквозь. Отворилась стеклянная дверь кафе, и вот я уже в тепле; в камине потрескивает огонь, передо мной вечерняя газета, и в руках большая чашка горячего чая….

Незабудки. Вот этот город Паузы они открыли вместе с Цуцем. Затерянный – затерянный и далёкий от звуков, он был сам о себе очень скромного мнения, и будто переминался с ноги на ногу, робко поглядывая вокруг – «извините, что такой не видный». Был он цвета пастели и весь полушёпотом. Невысокие ровные домики парят в тумане. Может, в нём часто гостит осень, и долги сумерки. Там живут Воспоминания. Такие же, как и прежде, до того как попали сюда. В городе можно встретить воспоминания разных сезонов и возрастов.

«Наши?? Или других чьи – то воспоминания, похожие?» – вздрогнул Пынть.

Родители, держась за перила, медленно спускались со ступенек. Пара старых былинок, прибиваемых к земле. Они поддерживали друг друга, и, улыбаясь, шли мимо лощёных витрин, чужие всем, единственные друг для друга. Припорошенный тусклым светом фонаря на земле безучастно лежал скомканный платок…

Пынть отражался в городах мимолётно. И города отражались в нём, как в лужах окна и птицы. А вот тот город – тёмно – матовый пион – как в нём отразился?

Поначалу Пынть решил, что забрёл не туда, куда шёл. Объёмная луна еле держалась на бугристом фиолетовом небе, пока её не заложило облаками. Никого. Вокруг. Кроме сна. Пынть настороженно шагал по улицам, где окна безотрывно глядели на него. А вдруг он заступится за них, и в их жилищах не будет дурманить обречённая пустота и страх. Тоска, не стесняясь, глотками пила душу, стараясь скорее занять её место. Вдруг Пынть спиной почувствовал : кто – то идёт по пятам. Решив не заводить с этим кем-то знакомство, Пынть припустился. Глаза привыкли к темноте и различали силуэты сидящих, стоящих жителей! Все они СПАЛИ! Некоторые с открытыми глазами! «Вот неудача какая приключилась с ними!» – думал Пынть, перепрыгивая через спящих.

Высокий прыжок. Толчок ногой – ещё выше. Взмах крыльев – вверх, вверх! Пора лететь!

Пынть дрожал. Он нырнул в плотную прохладу воздуха и был всё дальше от земли и сонного города. Скоро тело привыкло к водам неба, и, прежде чем повернуться на спинку и блаженно дрейфовать, Пынть заметил внизу серебряную цепочку реки на чёрном бархате ландшафта.

***

Двуликий город наш. Перевёртыш. По верхней фасадной части зовётся – Пять удач, а в перевёрнутом виде – Пять неудач!

Про город дубль жители не знают, конечно. У везунчиков одна излюбленная забота – наблюдать за погодой. Какая она стоит месяцами в Пяти удачах! Щедрая, сочная! Как зарядит

– так уж месяца на два. А потом листопад приходит. Шуршит под ногами, шуршит – и тихо вокруг, и не резко. И паутинкой задёрнуты заботы.

Ещё везунчики обожают свой город за крутые склоны холмов. С них так весело скатываться на санках зимой или кубарем летом! Ночью при полной луне можно, замерев, слушать, как пухлощёкие облака перешёптываются с холмами. А утром крикнуть «Эге – геее…!» ярким лучам или просто так.

Всем хочется дружить с везунчиками. Даже печали. Ведь сначала она робко ходит по пятам и бывает вежлива. Но стоит только завести знакомство, как она сразу подкарауливает, неведомо откуда узнавая про то, где ты. И становится закадычной. Вы знаете, какого она цвета? Везунчики знают. Возвращаясь домой всё равно откуда, её легко узнать по нежному цвету осенних листьев и протянуть навстречу руку, верной.

Только Никто не отвечал ей взаимностью. Он не озадачивался, как все. Поэтому всем и было не до него. Однако, он похож на везунчиков тем, что также сутулится при ходьбе и втягивает голову в плечи. Когда приближаются мутные часы, и воздух заворачивается войлочным туманом, он также хватает ноги в руки и даёт дёру…. – Доктор вздохнул, глянув на собеседников, и подошёл к невидимому окну.

– Вот он какой, наш город, – кивнул Цуц, ковыряя бинт на ноге, – Ведь город – это что?

– Город – значит городить, огораживать, огород, загород…

– Ещё в нём есть потаённый зов! Города всегда такие разные.

– Но все похожи общим строем, обустроем, настроем, постройками, помойками…

– Зато в городах чего только нет! Мосты, линии передач, дороги –магниты притягивают страждущих всё больше и больше!

Ушан тряхнул головой. В комнате оказывалось тесно из – за приглашаемых Доктором слов.

Цуц вдохновенно перешёл к великим площадям городов: « Прорывами городов являются площади!»

– Голубчик, сегодня попристальнее последите за буквами «П», «Р», – попросил Доктор, – Какой фарой мигнёт машина при повороте на площадь?

– Правой фарой! – быстро ответил Цуц.

– Теперь к вам спешит и буква «Ф»!

Ура Трафальгарской площади!
Прости! Ты так далека, но
Фиолетовый призрак фантазии
Соединяет нас.
Трогательная колонна Нельсона,
Прими мои искренние фейерверки
дружелюбия!

Буквы так и тянулись к Цуцу. Ушан и не знал никогда, что они могут быть столь захватывающими. Они толпились, обступая Цуца, наступали друг другу на ноги и ссорились с соседями за место поближе к кумиру.

– А какого цвета ваше настроение? – спросил Доктор вздрогнувшего Ушана, скользнув взглядом в невидимое окошко в стене.

Ушан, тоже взглянув туда, ответил:

– Серо-буро-малиновое с проседью.

– Какое – какое? – оживился Доктор, – С проседью? И что вас привлекает в этом вашем цвете?

– Не привлекает, а отвлекает.

– Вас? От чего?

– Других. От меня.

Доктор улыбался. Солнечные зайчики вдруг закружились вокруг Ушана. И становилось теплее. Какие яркие зайчики! Какие весёлые танцы! Кружились – кружились и – ах! – искрами осыпались, растаяли на полу и стенах.

Матовые стены кабинета пребывали в безликости, безоконности и бездверии. Уцепиться взглядом не за что. «Почему я раньше не удивился этому?»

Тем временем Доктор уже успел уйти куда – то в невидимую дверь, которая всё же ощущалась. «Не спешите оценивать! – раздался его голос, – Или так: сразу спешите оценить, а потом поймать свою следующую за оценкой мысль!»

Хлопнула невидимая дверь.

В кабинете зависли цвета. Гордо парили и остро обонялись. Доктор внёс их стопочкой, а потом стал раскидывать в воздухе, как карты.

– Это – цвет в стиле бордо, – указал он на красно – коричневый. А этот – из породы свежести, – толкнул он светло – зелёное облако мятного запаха прямо к Ушану.

Луг! цветущий луг вокруг!

– А этот? А этот? – Ушан обнимал облачка цветов, щурясь от их чистоты, как от солнца. Воздушные шарики цветов на лугу! Их можно легонько подбрасывать, можно ловить охапками.

Хорошо здесь у Доктора! Ушан высоко подпрыгнул, уцепившись за сиреневый шарик, и поплыл в манящую цветную даль.

***

«Я жа вами!» – маленький Яжавами заворожено шагнул вслед за Ушаном.

«Мы здесь, мы здесь, – откликнулись ему колокольца голосов, – ступай к нам!»

– А он руки помыл?

– А ты считать умеешь?

– И где твоё приветствие?

– Вы кто? – оторопел Яжавами. Только что здесь был угол кабинета Доктора, а сейчас – река – дорога шумно бежала вдоль ласковых берегов. На траве росинки сверкают. Оттуда и звенят голоса:

– Пятёрка!

– Я – единственная, 1!

– Цифра 9!

– Двойственность мира мы, полярная 2!

– Ой, цифры… – выдохнул Яжавами, – я думал, вы – не такие…

– Не смотрите на нас снаружи, ведь внутри мы – совсем другие, – звенели они.

– Сможешь нас разгадать? Любишь загадки? – весело кричали цифры – росинки, скатываясь с травы. Спеша друг к другу, они сталкивались и вновь разбегались по соседям – росинкам, и снова катились рядышком… – Что мы только не можем, смотри!

Яжавами едва успевал переводить глаза с одной россыпи цифр на другую:

1 ×9+2=11

12×9+3=111

123×9+4=1111

1234×9+5=11111

– Сюда, сюда! – звали другие ал-мазики :

1×8+1=9

12×8+2=98
123×8+3=987
1234×8+4=9876
– Вычислить нас не просто!
1 × 1 =1
11 × 1 1 =121
111×111= 12321
1111×1111=1234321
– Попробуй-ка умножь нас да сложи! Хороши мы?
9×9+7=88
98×9+6=888
987×9+5=8888
9876×9+4=88888
Ай –да хороши!

Река теперь плыла неторопливо, зато наперебой гомонили цифры. Раскрасневшийся Яжавами поднял голову – над рекой порхали бабочки, хихикали и болтали о чём-то.

Вот бы и мне с ними!

«Постойте, я жа вами!» – побежал он по берегу, но был остановлен стремительно хлынувшим ливнем.

Погодой можно было любоваться. Менялась быстро, волна за волной, и смотреть в небо можно было без устали и с упоением, как на океан.

Откуда – то слева появился Доктор. Обмахиваясь панамой – вновь парило – тот щурился от солнца. «Дружок, играя с цифрами, последи и за погодой. Действуй соответственно», – наказал он и снова ушёл.

«Мне доверили погоду! Подумать только! Я могу не только слушать погоду, но и исправлять её! Теперь она мне скажет «я жа вами!»!!

Погода впрямь засоответствовала. Стайкой улыбчивых и хорошеньких радуг!

***

«Никому:

Дорогой Никто! Газеты летают над городом, как птицы. Их не замечают, что они как птицы, и им всё веселей. И на помойке – та же история. Я восхищаюсь полётом мусорных бумажек. Они отчаянно некрасивы, и поэтому их полёт – вечный дифирамб мечте.

Никто, заходите в гости, когда и на бульваре, и в подворотне почуются признаки скорого полёта газет и всяческих бумажек. Поболтаем,

Ва – я»

Выпорхнув из кармана Никто, записка закружила стрекозой и приземлилась прямо перед Носастиком.

Они с Никто уже долго шли по лесу. И вот – отрадная полянка открылась перед ними: лазоревые колокольчики застенчиво выглядывают из буйного изумруда травы. Полянку охраняла надёжность молчаливых дубов.

– Прости, я прочитал записку, – протянул её Носастик и …..споткнулся о банку. Целая банка, доверху набитая стрекозами! С крышкой!

– Не трогай! – Носастик отдёрнул руку от банки.

– Но им здесь тесно!

– Да. Как в банке. Но мы здесь не живём. Мы проходим мимо. Не вмешивайся в чужие банки со стрекозами.

– А зачем ТЫ вмешался, когда вынес меня…когда я засыпАл …..в Городе?

– У нас сильно спится! Вынес, чтоб не спиться сном, – Никто приподнял ветку. Под ней, как оказалось, сидел притихший пушистый зверёк, ошеломлённо замерший.

– В Городе думают, что сон – оттуда родом, – усмехнулся Никто.

Носастик вспомнил, как Ули, показывая ему большую картину на стене, улыбнулась: «Это – символ нашего места!»

– А ты считаешь, что – нет?

Никто присел на камушек, кивком пригласив Носастика. Тот машинально придвинул стоящий неподалёку пенёк.

***

Жили-были когда-то два брата. Быстрошумный Ветр и пышный увалень Сон. Ох и разные они были. Уж каким шалуном был Ветр, и каким же ленивцем Сон! Ветр вечно мчался с надутыми щеками по окрестностям, распугивая тишину. Сон – покачивался в гамаке.

Поспорили они как-то: что главное в мире – порыв стрелы вперёд или тяжесть упавшего на неё камня? Ветр считал, что стрела важнее. Ведь не все же стрелы можно прибить камнями?! Сон, конечно, был за камень. Сколько стреле ни лететь, всё равно упадёт, и всё, лежит без движения, как камень.

Ничью правоту они признать не могли. Всё спорили и спорили. Уже и находиться рядом друг с другом не могли.

Помощь в споре сама пришла к ним, точнее, приползла. Ею оказалась терпеливая черепаха. Один из спорщиков, споткнувшись о черепаховый панцирь, упал, а, вставая, услышал: «Уходи!»

Так помогла черепаха братьям не спорить больше. Они догадались выгнать друг друга из бывшего когда – то общим дома и отныне делать кто что умеет. Просто быть собой. Ветр стал превращаться в то, что ценил и во что верил, и стал Ветром. Переменчивым, то чутким, то грохочущим – всё время разным, но всегда, как стрела – вперёд!

А Сон – обращался в своё. Накрой собой. Тянись вниз. Остановись. Упади. Зачугунь всё, и победи. Так появился Ердыген Могучий.

***

Если даже сами запахи чудесных специй мечтали вернуться обратно в Дом Ули, выпекающей крендельки и печеньки, что и говорить тогда о жителях Пяти Удач. Все пятиудачники обожали Улин дом!

Сегодня Кофе – Хаус переливался на солнце перламутрово-бежевой ракушкой. Изысканной, хоть и невеликой размером. Широкая лестница украшена шёлковым узорчатым ковром, и Джо, спешащий к своим флюгерам наверх в мастерскую, чуть не упал, соскользнув с шёлка ковра на лёд гладкого камня.

– Джо, твой кофе на столе! – позвала Ули мужа, – Присоединяйся к нашим гостям!

– Тётушка Ви, рад видеть! – Ро, как поживаешь, старина? Давно к нам не захаживал!

– Джо, как раз твоя очередь! – гости приподняли чашечки с кофе.

– Я сегодня без истории, друзья мои, прошу прощения, – промокнул он губы салфеткой и послал воздушный поцелуй жене. – Превосходный вкус! Спасибо, дорогая!

– Значит, историю рассказываю я! – поспешил Кри.

Бабочки на тоненьких чашечках встрепенулись, и всё превратилось в слух. Фарфоровые сундучки с конфетами тоже перемигнулись.

– Вы знаете Флетчеров? – начал он, вопросительно взглянув на гостей, – Ну…Флетчеровских близняшек, Измов?

– Этих – то? Конечно, – кивнули гости. – Педантизм и Перфекционизм. Такие зануды! Никогда от них никакого толку!

– Да – да! Так вот! Флетчеры как – то купили красивую дорогую половую тряпку. Нарядную, в меру толстенькую и горделивую. И убирали ею всегда только одну детскую комнату Измов. Тряпку очень хвалили за её безупречный внешний вид. Братцы Измы с удовольствием вытирали о неё ноги. Но вот случайно как – то забыли отнести тряпку в детскую под ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.